

Старая папка

(Письма в «Омскую правду»: военные годы)

Очерк

ПРОИЗОШЕЛ такой счастливый случай: в запасниках Омского краеведческого музея была обнаружена большая папка с письмами читателей и авторов «Омской правды» военного времени — главным образом, письмами и корреспонденциями с фронта.

Как и всякий связанный с газетой литератор, я имел дело с сотнями читательских писем. Но, естественно, среди них не было датированных 1942-м или, допустим, 1944-м годами. А тут такое количество...

Сохранилась эта папка, видимо, чудом. Поясню, что было такое правило: после использования (то есть публикации, ответа автору или «принятия мер») письмо хранилось в архиве редакции три года, а затем уничтожалось — сжигалось. Но, к счастью, нашелся дальновидный и неравнодушный человек, который понял: этот тот случай, когда из правил делаются исключения. Кто он был — сотрудник редакции, музейщик — сказать точно трудно, и об этом позже.

Разные письма лежат в старой папке. Группа бойцов призывает земляков-омичей трудиться в тылу по-ударному, не щадя себя. Добровольный фронтовой корреспондент рассказывает о подвиге однополчанина. Армейский поэт присылает стихотворение. Кто-то разыскивает потерявшихся во взбаламученной войной стране родственников, кто-то расспрашивает о делах омских колхозников, а кто-то обескуражен предательством подруги...

На одних письмах следы редакционной правки — значит, шла подготовка к публикации. На других — резолюция редактора «Дать ответ» (далеко не все попадает на страницы газеты).

А сегодня все в этой папке важно и волнующе, все бесценно. За этими солдатскими треугольниками, за этими выцветшими строками, за исписанными с обратной стороны географическими картами и бланками разбитых вражеских учреждений — эпоха, время, война.

И в данной публикации мы постараемся печатать эти письма, бережно сохраняя стиль их авторов.

Землякам

«Редактору «Омской правды».

Дорогой редактор! Убедительно просим Вас поместить наше письмо на страницы нашей областной газеты «Омская правда». Кроме того, убедительно просим Вас выслать по одному экземпляру этой газеты, где будет помещено это письмо, нашим родным — специально по экземпляричку, ибо им может не попасть газета. И обязательно просим выслать нам этот экземпляр. И просто зачислить нас в фронтовые корреспонденты «Омской правды», пишите, какие вас интересуют вопросы, будем рады и всегда ответим. И будет неплохо, если будете систематически нам высылать газету: ведь нас весьма интересует, что происходит в нашей области, а это значит — на нашей Родине.

Пишите нам по адресу (номер полевой почты): Шананину Степану Дмитриевичу»...¹

«Помру возле своей машины»

«В редакцию «Омской правда» от командира Дробушева и комиссара Димитриева.

Заметка.

Просим вашу редакцию пропустить нашу заметку про замечательного вашего земляка — летчика Медянкина Ивана Яковлевича. Родом из Омской области, Любинский р-н, Б-Могильский с/с. Просим описать его героический и бесстрашный подвиг. Тов. Медянкин и я, когда пришли в училище, то он сильно беспокоился, что он не сдаст на испытание. Но он вышел отличником.

В воздушном бою (тов. Медянкин сопровождал свои бомбовозы — 12 штук, а он сам был на истребителе английской марки «Харрикейн»), жалея свои машины, не побоялся 7 «Мессершмиттов». И когда он таранил одного, набрав высоту, второго ударил в хвост, то два стервятника ударили с нашей территории внезапно — когда он хотел ударить третьего. Стервятник ударил по его

¹ Омский государственный историко-краеведческий музей, фонды. Инвентарных номеров письма не имеют, поэтому в дальнейшем сноски отсутствуют.

машине, и очередь угодила в правый борт крыла. Товарищ Медянкин сделал посадку, но вынужденную. Сейчас находится в госпитале. Несмотря на то, что его хотят вывезти дальше в тыл, он говорит, что помру возле своей машины.

Он представлен к правительственной награде — ордену Ленина, и уже будет иметь 3 правительственные награды.

Сейчас мы его отправили дальше в тыл, но думаем (и даже он дал нам слово), что чуть станет легче, он сразу вернется в часть и будет бить врага так, как бил до ранения. У тов. Медянкина имеется 287 боевых вылетов.

Просим редакцию опубликовать эту заметку и дать нам ответ по адресу: 645 гвардейский авиаполк, военкому Дмитриеву Б. С. Заметка пущена 27 апреля 1942 года, писал батальонный комиссар майор Дмитриев».

«Я вернусь, ждите!»

«Дорогая и многоуважаемая редакция газеты «Омская правда».

Я обращаюсь к вам с просьбой отпечатать все письмо в вашу газету с тем, чтобы родственники могли отозваться на мое письмо. Я не знаю их адреса, но знаю хорошо, что в одном из районов Омской области они проживают. Убедительно прошу не отказать в моей просьбе. О результатах прошу сообщить — (номер полевой почты. — А. Л.) М/с Гордеевой В. И. Или Фроловой В. Это одно и то же.

С боевым пламенным приветом — Вера Фролова.

15.2.44 г.

Извините за плохое писание. Писала на коленях на доске.

Дорогая моя мамочка и все родные!

Я по-прежнему жива и здорова. Кровь молодой сибирячки из Иркутской области спасла мне жизнь. Я вновь возвратилась из госпиталя в строй мстить взбесившемуся фашистскому извергу, палачу, насильнику и грабителю.

Милая моя мама! Благодаря тому, что Вы меня воспитали мужественно и смело, мне никакие сложные и трудные боевые условия не бывают страшны, какие бы

они ни были. И я, как миллионы других, готова отдать всю свою жизнь за Родину, за родную партию, за Ваше счастье. Клянусь еще ожесточеннее мстить немецким выродкам за горе, за все лишения, принесенные нам войной.

Но если придется умереть в боях за Родину, то я умру мужественно и храбро, как умирают комсомольцы, зная, что за них отомстят сотни таких же сибиряков, как и я. Но сердце мое не умрет, и оно везде и повсюду будет мстить за Родину, за Сибирь, которую я люблю сейчас больше, чем когда-либо.

Я уйду на грозный бой, чтоб уничтожить немецкую псарню и вернуться в любимую Сибирь. А я вернусь! Ждите!

Целую всех крепко.

С боевым приветом — ваша Вера Фролова.

Пишите! Ожидаю».

Из коллекции военного переводчика

«Действующая армия.

31.12.42 г.

Дорогие товарищи из редакции «Омская правда».

4 июля 1941 г. я уехал из Омска в действующую армию. С того времени я непрерывно нахожусь на фронте, являясь переводчиком при штабе одной из частей Красной Армии на Центральном фронте.

Я вырос в Сибири, последние годы жил в Омске, работал преподавателем немецкого языка в Омском институте.

Как прежний читатель «Омской правды» я хочу поделиться с вами некоторыми интересными сведениями, которые я нашел в письмах убитых и пленных немецких солдат. Со времени наступления наших частей на нашем участке мне пришлось перечесть уже много сотен немецких писем. Из числа более интересных я выбрал для вас 3 письма. Посылаю вам эти письма и одновременно прилагаю, здесь же в письме, перевод отрывков из них на случай, если письма в подлиннике не дойдут до Вас по условиям цензуры. Думаю, что вы сможете использовать этот материал в газете...

Письмо № 1 – убитому лейтенанту Артуру Брахату, пол. почта № 33629, от его брата – мастера автоколонны на Карельском фронте об ударах советских партизан.

«Теперь немного о нашей боевой деятельности. Мы находимся на широте Сев. полюса. Позавчера у нас было ночное нападение. Партизаны снова почтили нас своим визитом, при этом дело дошло до большого. Пули так и свистели вокруг ушей, но, слава богу, никого не задела, зато и мы не схватили ни одного из нападающих. Для этой цели нужно было иметь более опытные войска, чем мы.

Нашей базе придан для усиления взвод танков, и те действовали, как полагается. Фельдфебель-танкист дал приказ следовать за танком, что я и делал. Когда танк остановился, я хотел лечь на землю, и тут мне в правую руку прилетел мелкий осколок от снаряда – рикошетом от танка. К счастью, я загнул рукав куртки, и он застрял там.

Самое плохое в этих нападениях – это то, что ничего не видишь. Унтер-офицеры во время обстрела лежали под машиной. Теперь ты можешь себе представить, что это за герои. Только спустя много времени, они показались оттуда. По-видимому, партизаны мстили за нашу окружную базу. Около 6 недель тому назад они уничтожили наш разведотряд из 8 человек из приданного дивизиона велосипедистов. Уже было несколько нападений на автомашины, а три дня тому назад они заминировали дорогу совсем близко от нас. Одному шоферу это стоило жизни, а двое были тяжело ранены.

Ты видишь, немного чувствуем и мы настоящую войну...»

2-е письмо – солдату Карлу Винцелю от его родственников из Бремена.

«5 недель тому назад вблизи нашего магазина упало 2 фугас. бомбы и 1 мина, и воздушной волной очень сильно повредило дом. Во всяком случае, мы при этом дешево отделались, и постепенно восстанавливается порядок, поскольку с того времени нас оставили в покое. Наша крыша, которая была совершенно раскрыта, однако и сейчас еще не совсем плотно заделана, и окна 2-го этажа тоже еще не заделаны. У нас просто нет времени заняться этим, да и рабочие, которые было находились, теперь все исчезли. Ну, в конце концов мы с этим справимся,

самое главное — это, чтобы томми нас в будущем оставили в покое.

Бремен от двух сильных возд. нападений в сентябре очень сильно пострадал, и невольно думаешь, что в один прекрасный или скверный день придет конец и твоему существованию...»

Письмо № 3 — солдату Гансу Герницу, п. п. № 06932, от его жены Анны (малограмотной).

«Мой дорогой муж, я всегда думаю о тебе, как тебе живется: непонятно, что такое — война никак не кончается. Мой дорогой муж, напиши мне, когда у тебя будет талон на посылку, нужно ли тебе посылать носки, но было бы лучше, если бы ты снова отморозил ноги. Я знаю, что это больно, но все же лучше, чем пуля в ноге или руке...»

Кроме этих писем, посылаю вам незаполненный бланк декларации-подписки. Таких бланков было много найдено в бумагах разгромленного штаба батальона.

Вот содержание этой декларации.

«Декларация
(заполнить в части)

После тщательной проверки имеющихся в моем распоряжении материалов, я, как того требует долг, заявляю, что я... и моя жена (не) является еврейской помещью. (Лишнее зачеркнуть).

О понятии «еврейская помещь» я в этой связи проинструктирован моим высшим начальством.

Мне известно, что я подвергнусь наказанию, если это мое заявление окажется неправильным.

Мне объяснено, что я, если обманываю своих начальников неправильными сведениями с целью уклониться от исполнения воинских обязанностей, буду подвергнут суровым наказаниям вплоть до смертной казни. (Подпись)».

Этот документ говорит о том, что некоторые солдаты нем. армии предпочитают объявить себя евреем, хотя положение евреев в Германии безрадостно, лишь бы уклониться от военной службы.

Дальше я посылаю вам 3 фотографии, найденные у убитых немцев, с изображением кладбищ нем. солдат.

Я думаю, каждому советскому патриоту приятно посмотреть на такие фотографии, поэтому послал их вам, хотя мне хотелось бы собрать коллекцию таких фото.²

На этом я заканчиваю свое письмо. Прошу письменно подтвердить получение вами этого письма и подлинных материалов. При случае, если в мои руки попадет снова что-нибудь интересное, я снова pošлю вам.

Материалы, которые я вам посылаю, частично уже использовались в газете нашей части, и вообще перевод этих материалов я отдал в политотдел части.

С товарищеским приветом — В. Неудачин».

Опять сижу над старой папкой. Опять перебираю истончившиеся от времени листы бумаги. И опять непонятное чувство охватывает меня.

Почему мне, знающему о войне лишь понаслышке, с каждым годом все тяжелей слушать рассказы о ней, читать мемуары маршалов, смотреть кинофильмы со взрывами фугасок и пулеметными очередями? Чем объяснить это, непонятно откуда взявшееся, чувство вины, становящееся все острее и острее? В чем я виноват перед людьми, спасшими меня в те жуткие годы? Формально ни в чем: в день Победы мне было около полутора лет.

Должно быть, дело в том, что сознаю: они, эти люди, внезапно бросив все самое дорогое — семью, работу, дом, родные места, — сделали главное — защитили собой все это; сознаю и задаю себе вопрос: а смог бы так поступить и я?

Это чувство вины основывается, должно быть, еще и на том, что я знаю больше, чем знали эти люди, когда шли умирать за Родину. Знаю о полководцах, перемолотых в ежовых рукавицах НКВД накануне войны. О стратегическом любительстве нашего будущего генералиссимуса, с именем которого поднимались в атаку солдаты. Знаю о том, что и сегодня нам не раскрыта полная правда об этой войне, не названы все ее герои и предатели, не окружены заботой и вниманием все ее участники.

Да, разные мысли и чувства приходят в то время, когда очередное фронтовое письмо в «Омскую правду» ложит-

² Фотографий в папке нет.

ся на мой рабочий стол. Допустим, удивление перед колоссальной, неистребимой силой ненависти, раскрывшейся в нашем (в общем-то добром) народе.

В письмах, лежащих в старой папке, немало наивного. Писали их люди, главным образом, в газетном деле неискушенные, все они были уверены, что посланное обязательно попадет в печать. А газета была маленькой (ровно в два раза меньше, чем «Омская правда» сейчас); «Молодой большевик» (потом — «Молодой сибиряк») в целях экономии был с началом войны закрыт, следовательно, освещать жизнь молодежи нужно было той же «Омской правде». Область наша была тогда огромна — от Казахстана до Ледовитого океана. Нужно было рассказывать об ее жизни, нужно было печатать массу официальных сообщений из Москвы. Потому далеко не каждое письмо попадало на газетную страницу. И то, что сейчас, столько лет спустя, письма эти обнаружатся, представляется мне некоей высшей справедливостью. Это должно было произойти рано или поздно — не с моей помощью, так с чьей-нибудь другой.

Москва сегодня

(Из путевых записок)

«Она все такая же прекрасная и величественная — наша родная, любимая столица Москва. Все так же многолюдны тротуары ее широких улиц и бульваров, кино и театры. Как и прежде, всюду снуют сотни, тысячи комфортабельных автомашин — такси, автобусов-троллейбусов. Курсируют трамваи, а под землей с грохотом проносятся электрические поезда лучшего в мире метрополитена.

Только приглядевшись к окружающему, вы заметите, что война на все наложила отпечаток серьезности и строгости. Даже дети, которых в Москве, несмотря на близость фронта, чрезвычайно много, как бы подросли.

Бойцы и командиры Красной Армии всегда были окружены любовью и заботой трудящихся. Но то, что мне довелось наблюдать в эти дни в Москве, приятно поразило меня. Ни в одном вагоне трамвая кондуктор не возьмет от бойца или командира денег, как бы они на этом ни настаивали. На остановках автобусов, трамваев, троллейбусов, на станциях метро москвичи пропускают вперед себя военнослужащих, уступая им свое место.

Я был свидетелем такого случая. С группой бойцов я сел вблизи площади Дзержинского в трамвай шестого маршрута. Сидевшая вблизи двери женщина поднялась навстречу бойцу и предложила ему свое место. «Садись, товарищ!» — ласково сказала она красноармейцу. Я не удержался от замечания: «Что вы, гражданка? Ведь он молодой, здоровый парень, может и постоять, а вы — женщина, вам первое почетное место». «Нет, — возразила она, — вы уж разрешите мне уступить место воину. Вы — наши защитники, вы отстаивали Москву, вам и почет», Мы все-таки настояли на своем. Как старые, замечательные друзья, мы всю дорогу беседовали с пассажирами, пока нам не пришло время покинуть трамвай.

На Первой Мещанской улице нас догнала пожилая работница. Несколько десятков шагов она шла рядом с нами молча. Женщина внимательно осматривала нас, а потом вдруг мило, по-матерински, с восхищением заговорила: «Сынки мои! Какие на вас теплые шубы. Все ли вы так тепло одеты?»

«Все, мамаша», — дружно ответили несколько голов. «Вот хорошо, вот обрадовали! У меня ведь два сына на фронте».

Во время нашего пребывания в столице войска Западного фронта одержали ряд блестящих побед под Солнечногорском, Малоярославцем и Волоколамском. Москвичи с гордостью говорят о победе под Москвой: «Мы отстояли Москву». Я слышал эти слова всюду. В трамвае их произнесла девушка, делившаяся радостью одержанной победы со своей соседкой по месту. «Мы отстояли Москву», — сказала она, но, заметив улыбку на лице командира, быстро добавила: «Вместе с Красной Армией».

Москвичи вправе говорить: «Мы отстояли Москву». Своим упорным трудом они оказали немалую помощь частям Красной Армии в изготовлении и доставке на фронт вооружения и боеприпасов и создании крепкой, нерушимой обороны вокруг столицы. Сотни, тысячи рабочих и работниц, интеллигентов ежедневно после тяжелой и упорной работы на производстве по несколько часов трудились над созданием укреплений. Они копали противотанковые рвы, устанавливали железобетонные надолбы, мастерили из железа, песка и камня добротные баррикады.

Действующая армия.

Мл. командир С. А. Ляпугин.

Написал заметку в редакцию в свою родную область, в г. Омск.

Военную цензуру прошу пропустить мою заметку в редакцию газеты «Омская правда».

«Будем мстить до конца»

«...Мы проработали газетную статью автора Шолохова «Наука ненависти»³, где изобличается образ наших заклятых врагов, гнусно издевающихся над мирным населением в оккупированных ими районах, не щадя ни взрослых, ни стариков и женщин, даже и детей, а попавшихся в плен красноармейцев подвергают пыткам, мучениям, надругательствам, затем бесчеловечно убивают.

Лейтенант Герасимов, который находился в фашистском плену, на себе испытал издевательства врага, и он еще больше возненавидел своих врагов.

Статья тов. Шолохова подтверждается действительностью нашего Северо-Западного фронта. Здесь мы еще раз убедились, насколько коварен враг. Он наши села превратил в развалины и пепел, мирное население уводил в свой фашистский плен, непокорных подвергал пыткам и убивал.

При приближении линии фронта вблизи станции Любинец нам пришлось видеть труп убитого красноармейца, которому немецкие изверги изрезали ножами щеки, изрубили голову и в рот насовали тряпок. Этот истерзанный труп останется в нашей памяти навечно, и мы за этого убитого красноармейца и других по приезде на фронт мстили и будем мстить до конца...

Наше подразделение могуществом своего артиллерийского огня уничтожило много фашистских гадов, разрушило дзотов и блиндажей, взорвало складов с горючим, боеприпасами и продовольствием, разбило танков и самолетов, штаб противника.

На митинге, посвященном ратификации договора, заключенного между СССР и Великобританией, принято обязательство сделать все зависящее от нас для полного разгрома гитлеризма...

³ «Правда», 22 февраля 1942 г.

Призываем трудящихся нашей Омской области крепить наш тыл, бороться за выполнение планов промышленности и сельского хозяйства, что будет содействовать нашей армии в разгроме врага.

Командир орудия — сержант М. В. Долженко.
Северо-Западный фронт, 3 июля 1942 года».

Кукла, спасенная от врага

«Здравствуйте, Евгения Михайловна!

Письма ваших воспитанников детского сада я получил. У меня нет детей, но есть ряд бойцов, которые имеют детей. Они, часто вспоминая их, рассказывают, как дороги дети для них. Поэтому письмо детей им зачитал.

Хорошо жили наши дети, они не знали холода и голода, они радовались, учились. Пришел враг с железной рукой, безжалостный, бездушный. Он расстреливает взрослых и детей. Вот один из случаев о детях, оставленных без ласки. Зачитайте вашим детям. Вы просили что-нибудь написать, что мы видели и слышали.

Недалеко от нашего населенного пункта, освобожденного от немцев нашими войсками, к бойцу подошла девочка лет семи и просяще заглянула ему в глаза: «Дядя боец, дай лопату». «Это зачем?» — удивился он. «Куклу откапывать, на Степкином дворе от немцев зарыта. Не веришь?» Она посмотрела вокруг, как бы ища поддержки. Стоявший рядом мальчишка подтвердил: «Правда, дядя боец, у Лидки кукла еще той осенью закопана».

Пошли. Девочка то забежала вперед, то шла рядом и тихо рассказывала о себе. Витька ей не брат, а соседкин сын. Ее мать живая, а Витькина убитая, живут они в бане, а дом немцы сожгли. Хлеб, который мать закопала, нашли и на машине увезли. А куклу не нашли.

Боец смотрел на девочку. Такая худенькая, что когда идет, лопатки проступают. Босые грязные ножки посинели от холода. В косичке вместо ленты — тесемка от противогаза.

На огороде почти не заметно гряд — затоптали их сотни солдатских ног, затянула сорная трава. Поэтому Лида не сразу нашла то место, где закопала куклу. Боясь, что боец уйдет с лопатой, она часто спрашивала, «Витька, кажись, тут?». Наконец возле огромной воронки Лида указала еле заметный бугорок. Она присела на корточки и,

почесывая зудевшиеся руки, не отрываясь, смотрела, как копает боец.

Она сама вытащила куклу — старую, в измятом, замусоленном сарафане, отклеились черные косы, из ноги высыпались опилки, но это была любимица девочки. Она целовала серую, давно потерявшую румянец щеку куклы и тихо приговаривала: «Катенька моя, не нашли тебя немцы».

Боец медленно очищал с лопатки землю...

Дорогие дети, вы находитесь далеко от грома пушек и от взрывов бомб... Вы, как никто, для нас дороги, не дадим вас в обиду. Внимательно слушайте своих старших, а в свободное время пишите нам письма.

До свиданья, дорогие! Пишите нам по адресу, часть 219, Курнакову А. Н.».

Ржавый гвоздь

«Товарищи! Я хочу привести и сообщить один факт из нашей фронтовой жизни...

На днях нашей разведкой был притащен жалкий, вшивый оборванец, грабитель, солдатишка — самый ржавый гвоздь.

При допросе спрашивают: за что вы убиваете русских людей?

Он отвечает: они же русские, надо уничтожать русское племя, чтобы было одно чистое арийское племя.

Вот как понимает этот неотесанный болван... Что же можно от них добиться, как можно таких остолопов воспитывать? Его можно только уничтожить. Разве может гвоздь ржавый быть полезным? Нет. Если согнется, начини выпрямлять — он сломается. Забей ржавый гвоздь в дерево — от него быстро начнет дерево гнить. Так и этого пса оставь живым, начнет заражать, один исход — истребить. В нынешней войне такие ржавые головорезы будут наголову уничтожены.

Омский сибиряк, ст. сержант Некрасов П. И.

Товарищ редактор! Пишите мне».

Ждем писем

«Уважаемый товарищ редактор!

В моем подразделении есть два бойца, призванные из

оккупированных советских районов. В боях они показали себя как мужественные советские воины, дрались с противником, не щадя своей жизни. Но оба эти товарища ни от кого не получают писем, ни с кем не имеют связи. И часто я вижу их задумчивыми и невеселыми.

Будьте добры, сообщите моим землякам-омичам, чтобы они писали:

130 полевая почта, часть 614.

1. Колесняк Василий Петрович (представлен дважды к правительственной награде).

2. Ризван Иван Степанович.

С фронтовым приветом —

зам. командира по политической части

Русских К. А.

20.12.42 г.».

Резолюция редактора:

«Один адрес дайте Петуниной, второй адрес — Костоломовой».

«Любому бойцу»

«Письмоносец аккуратный

Письма в сумке перебрал

И на всю казарму внятно,

Приподняв одно, сказал:

— По конверту голубому

Цепь — узор кольцо к кольцу,

И написано: «Любому,

В руки взявшему, бойцу».

— Мне вручи, — сказал чуть слышно

Самый тихий из бойцов, —

Мне давно никто не пишет,

Дай хоть это письмецо.

В оккупированной зоне

Вся семья моя... И вот

Вслух прочел он строчки Зои

Что в Хакасии живет.

«Дорогой боец, — писала

Эта девушка в письме, —

Нашу Родину спасая,

Будь решителен и смел.

Я от всей души желаю,

Чтобы ты, мой дорогой,

Ехал к дому при медали
В день победы над врагом.
Я работаю дояркой,
От моих подруг привет!
Ну, пока. Целуем жарко.
Адрес — ниже. Ждем ответ».
Пишут так родному брату,
Мужу или жениху.
И великий смысл, понятный
На бойцов с листка пахнул,
Что во имя светлой жизни,
В дни лихой военной мглы
Все защитники Отчизны
Одинаково милы,
Одинаково пригожи,
Сердцу равно дороги,
Как на Зою ту похожи
Сотни девушек других.

Вас. Стародумов.

Уважаемые товарищи литработники!

Посылаю вам два своих произведения — «Книгоноша Кот» и «Любому бойцу» — продукт моего редкого досуга.

Первую вещь я хотел бы определить в «Омский альманах»⁴, вторую на страницы «Омской правды», для которой я ее и написал. Не знаю только, готовы ли они для печати, об этом судить вам.

Ранее я много печатался в иркутских альманахах, как то: «Будущая Сибирь»⁵, «Переплавы»⁶, «Стремительные годы»⁷, наконец, «Новая Сибирь»⁸, так что, такому поэту, как Леонид Мартынов, я по печати, вероятно, известен (хоть по фамилии).

С товарищеским приветом — курсант Н-ской части
Вас. Стародумов.

22.1.44 г.»⁹

⁴ «Омский альманах» выходил в 1939—1950 гг. Всего вышло семь выпусков.

⁵ «Будущая Сибирь» — литературно-художественный и краеведческий журнал. Выходил в Иркутске в 1931—1935 гг.

⁶ Альманах «Переплавы» вышел в Иркутске в 1933 г.

⁷ Альманах «Стремительные годы» вышел в Иркутске в 1932 г.

⁸ Альманах «Новая Сибирь» выходил в Иркутске в 1936—1957 гг.

⁹ В. П. Стародумов — иркутский литератор, автор многих публикаций в сибирской печати.

Один мой товарищ по профессии, когда отмечалось еще 30-летие Победы, проделал такую работу. Он прошел по всем квартирам своего дома, и выяснилось, что буквально в каждой квартире живут люди, чьих судеб так или иначе коснулась война. Буквально в каждой из восьмидесяти квартир обыкновенной пятиэтажки, каких в Омске сотни (квартир 80, а не 100, так как нижний этаж дома отдан под библиотеку)...

До сих пор жалею, что очерк об этих встречах остался лишь на газетных страницах: так взволнованно и талантливо он был сделан; будь моя воля, я бы издал его отдельной книжкой¹⁰.

Восемьдесят семей — разные характеры, возраст, профессии, образование. Но всех роднит одно короткое и страшное слово — «война». Одни сами дрались с врагом на фронте, другие потеряли там близких, третьи, забыв о собственном здоровье, беззаветно работали на войну в тылу...

Кстати сказать, и мой товарищ, автор очерка о людях своего прежнего дома, тоже жестоко задет войной: его отец был убит, а мать умерла вскоре после Победы, надравшись на непосильной работе в военные годы.

Не помню многих подробностей, приводившихся в том очерке (он печатался в течение довольно длительного времени, «с продолжением»), но помню, что я, профессионал, читал его с комком в горле.

Такой же комок застревает и нынче, когда перебираю письма старой папки. Не все они одинаково значительны и интересны, но все они, писавшиеся в годы, когда мир стоял на краю гибели, обладают огромной силой документальности.

Александр Герцен считал, что вообще письма сильнее, эмоциональнее, чем воспоминания. Воспоминания пишутся много лет спустя: что-то в них можно сгладить, о чем-то умолчать. Письма ценны именно своей, если так можно выразиться, сиюминутностью, на них, как говорил Герцен, запеклась кровь событий.

Да, уж чего-чего, а крови в этих письмах хватает...

¹⁰ См. В. Чекмарев. Бульвар Победы, 4. — «Молодой сибиряк», 1975, 11, 13, 15 и 17 мая.

«Александр убил двенадцать гитлеровцев...»

«В одном из номеров вашей газеты помещен мой очерк о снайпере Александре Говорухине¹¹. Омичи горячо откликнулись на боевые дела героя-сибиряка. На наш адрес из Омской области приходят десятки писем. Они самые разнообразные, но все говорят о неразрывной связи тыла и фронта.

Особенно вдохновило наших воинов письмо Валентины Хлебниковой из Омска. Она обратилась к Александру Говорухину с просьбой отомстить за ее друга капитана Василия Ковалевича, который погиб недавно в боях за Родину.

Говорухин и его боевые друзья поклялись жестоко мстить врагу за смерть советского офицера, за все страдания русского народа. Свое слово Александр держит крепко. В течение нескольких дней он не выходил с переднего края, подстерегал фрицев... Лишь только из окопа показывалась голова врага, как звучал выстрел... Так за несколько дней Александр убил 12 гитлеровцев, а всего теперь на его истребительском счету 405 убитых немецких солдат и офицеров! Больше десятка немцев убили снайперы Гуркин и Захариян.

Валентина Хлебникова! За смерть вашего друга немцы заплатились десятками своих жизней. Счет продолжает расти...

С фронтовым приветом — майор Л. Писарев.

Полевая почта, 2 янв. 1944 г.».

На могиле Пушкина

«Многоуважаемый редактор!

Посылаю вам заметку «На могиле Пушкина». Все это видел собственными глазами.

30.07.44.

Девятов¹².

¹¹ Майор Л. Писарев. Снайпер Александр Говорухин. — «Омская правда», 12 декабря 1943 г.

¹² А. И. Девятов активно печатался в омских газетах еще с довоенных лет. По профессии связист. В Омском историко-краеведческом музее хранится тетрадь его стихов, главным образом, газетных вырезов. См. В. Вайнерман. О чем поведала тетрадка. «Вечерний Омск». 25 октября 1985 г.

Я никогда не забуду этот день! Мы мчались на запад по пыльной фронтовой дороге. Вдруг машина остановилась на большаке, перед нашими глазами оказался Святогорский монастырь, где схоронен А. С. Пушкин. Мы пулей вылетели из машины. К нам подошел местный житель — дряхлый старичок небольшого роста с реденькой бороденкой. Он оказался очень словоохотливым, согласился провести нас на великую могилу Пушкина.

Святогорский монастырь стоит в живописной местности, на горе. 25 июля 44 г. 13 час. Эта дата запомнится нам на всю жизнь. Был чудесный солнечный день. Взираемся по древним холодным ступенькам собора. По этим ступенькам некогда восходил Пушкин. Старичок нам поведал предание, что на этих ступеньках часто видели Пушкина, сидящим в соломенной шляпе с нищими и поющим с ними.

Ступеньки во многих местах разрушены, а также полуразрушен собор. Это все сделали немецкие варвары.

Поднялись наверх. У главного входа в собор надпись: «Осторожно: мины!». Все же мы не утерпели, заглянули через окно. Собор развален, кругом груды камня, крыша совершенно снесена.

Повернули в оградку. Вот и могила Пушкина. Могила и памятник уцелели...

Мы обнажили головы... Я стоял ошеломленный и возбужденный. Мне все еще не верилось, что я стою на могиле Пушкина... Пушкина я очень и очень люблю, да кто его не любит!

Я не знаю, сколько бы времени простоял в таком оцепенении, неожиданно один товарищ крикнул: «Ребята, смотрите!». И указал рукой на большак, где был установлен лозунг: «Воины! Отомстим за нашего Пушкина!». С горы великолепно был виден этот лозунг.

Мы еще крепче сжали автоматы и поклялись на могиле Пушкина отомстить немецким варварам. Когда мы сели в машину и поехали дальше, у меня к горлу подступили слезы...»

«Ты чувствуешь близость конца?»

9.IX.44 г.

Уважаемые товарищи. Прежде всего должен извиниться за то, что пишу карандашом: по собственной работе в

редакции знаю, какво разбирать чьи-то полустершиеся карандашные каракули, как один их вид раздражает всех с ними ознакамливающихся — от литконсультанта до редактора...

Думается, что положение военнослужащего и рядового, которому положены, как ложка и иголка, два карандашных огрызка — один простой, другой чернильный, послужит мне некоторым оправданием.

В качестве новоиспеченного омича — до сих пор я проживал, а некоторое время и служил в Новосибирске, — я решил наладить связь с местной газетой на случай, если она сможет использовать мои стихи. Пишу я несколько лет, публиковался в «Сиб. огнях», «Красноармейской звезде» и новосибирских сборниках переводов Шевченко и П. Кучияка.

С омскими литераторами не сталкивался, если не считать шапочного знакомства с Л. Мартыновым (очень прошу написать мне, как его здесь разыскать; хотел бы знать также, находится ли еще в городе Е. Рывина¹³, какие имеются литературные объединения и т. п.). Если не трудно, то независимо от пригодности для вашей газеты прилагаемых стихов, вызовите меня в редакцию повесткой, какая послужит мне основанием ходатайствовать о городском отпуске; переписка вещь хорошая, однако хотелось бы побеседовать и с здешними редакционными и литературными работниками лично... С приветом Н. Гольштейн¹⁴.

¹³ Ленинградская поэтесса Елена Рывина (1907 — 1985) в годы войны была эвакуирована в Омск.

¹⁴ Н. Гольштейн (1923 — 1944) — молодой новосибирский поэт, в 1943 году был призван в армию и несколько месяцев служил в Омске, летом 1944 года погиб в результате несчастного случая — во время разгрузки бревен с баржи на Иртыше. По свидетельству современников, подавал большие надежды как литератор, был хорошим товарищем, обаятельным человеком. С его стихами можно познакомиться в 3-м томе «Литературного наследства Сибири» (Новосибирск, 1974). Стихи сопровождаются воспоминаниями известных поэтов Елизаветы Стюарт и Василия Федорова, знавших Н. Гольштейна.

Сегодня

Слова сообщений коротких,
Событий грохочущих град!
Нам памятны старые сводки
О нашем отходе назад...
Слова сообщений коротких
Советского информбюро
О днях, что прошли мы в обмотках,
С боями шагая вперед.
Подарки «Последнего часа»
И каждый полночный салют.
Пути из-под Киева к Яссам
И от Заднепровья на Прут...
И новость, что всех долгожданной,
Внезапней, чем грома раскат:
Из Лондона в желтом тумане
На юг самолеты спешат.
Событий стремительный кризис,
Вселяющий счастье в сердца.
Товарищ! Ты чувствуешь близость,
Ты чувствуешь близость конца?!
Смотрите: качнувшись, мгновенья
Заполнили эхом весь мир.
И рушатся тяжкие стены
Огромной фашистской тюрьмы.
Свежее, чем воздух веселый,
До плесов Дуная-реки,
В румынские, в польские села
Врываются наши полки.
Пускай же читают столетья
По стертым газетным строкам
О том, как империя третья
Вовсю расплзлась по швам.
Мы смотрим — и видим, и верим:
Весь мир вслед за нами спешит
На бой с окровавленным зверем,
Который еще не добит».

С бумагой на фронте было туго. И даже то, на чем писали письма, приходившие в «Омскую правду» в те годы,

говорит о многом. Письмо, написанное на внутренней стороне обертки брикета «Концентрированной каши пшенной», 24 августа 1941 года выпущенной Московским ордена Ленина пищевым комбинатом имени Микояна... На двойном листе, вырванном из истории болезни, под строчками — графы: «Жалобы», «Объективное исследование», «Результаты санаторного лечения»... На бланке «Дневного отчета по кухне»... На нотной бумаге...

А вот письмо, написанное на обороте немецкой карты. «Sonderausgabe! Nur für den Dienstgebrauch! («Сверхиздание! Только для служебного пользования!») Кусок Белоруссии в районе Несвижа. Непривычно читать знакомые названия, изображенные латинским шрифтом. Городок Ленино переименован немцами в Романов.

Карта прекрасная, обозначен каждый хуторок, каждая тропинка. Текст, написанный на обороте, датирован мартом 44-го, поэтому и пошла карта на письмо. А в начале войны сержант Синицын сдал бы ее начальству и получил бы за это награду. Немецкие карты ценились тогда, по рассказам фронтовиков, на вес золота — и, прежде всего, немецкие карты наших областей. За ними специально посылали людей в разведку. За них гибли. Своих карт своей территории у нас почти не было: мы ведь собирались воевать только на чужой.

Кто же сохранил для нас эти бесценные письма?

Судя по всему, сделали это два человека.

Фамилию первого назвал старожил Омска С. И. Жданов, в свое время близко знавший многих местных журналистов. Он писал мне следующее:

«Формировал эту папку, как мне представляется, В. И. Хилиль¹⁵, с которым я поддерживал до его отъезда из Омска дружеские отношения и частенько сиживал в его кабинете во время просмотра им почты. Не однажды при мне он вызывал заведующую отделом писем (если мне не изменяет память, это была О. Шаталова), передавал ей пачку писем и говорил:

— Ответить всем, и — в ту папку.

¹⁵ В. И. Хилиль — редактор «Омской правды» в годы войны.

Видимо, это и была та самая папка, о которой сейчас идет речь».

Другой ветеран омской журналистики, С. И. Веремей, называл имя Валерьяна Львовича Давыдова¹⁶, который, демобилизовавшись в 1946 году, стал работать в «Омской правде». Веремей, друживший с Давыдовым, однажды видел на его рабочем столе в редакции груды старой почты, из которой Валерьян Львович выбирал именно фронтовые письма. Должно быть, он как бы принял эстафету от редактора газеты — взял на себя заботу о старой папке.

¹⁶ В. Л. Давыдов (1911 – 1979), в течение многих лет заведовал отделом писем «Омской правды».